

Илья Члаки

И ПЕПЕЛ НАШ РАЗВЕЮТ ПО ЗЕМЛЕ...

Льву

Действующие лица;

Ханс

Иосиф

Дом престарелых. Комната на двоих. Ночь.

Темнота.

Ханс и Иосиф.

Ханс включает свет.

Иосиф не спит, он сидит на стуле.

ХАНС. О, светло! Вот дела. Бывает же такое, ночь и вдруг – бац! – день. Лям-пам-пам, лям-пам-пам. Интересно. Бац (*гасит свет*) – и снова ночь. Бац (*включает*) – день. Очень интересно. Бац – весна, бац – осень, бац – лето... Лям-пам-пам... Бац – человек родился, бац – умер. Бац – женился, бац – провалился. Лям-пам-пам... А может, бывает как-нибудь по-другому? Нет, невозможно. Всегда только так. Эй, Иосиф, спишь? Слышишь меня? Начинать пора! Слышишь? Мы будем играть или нет? Хватит спать!

ИОСИФ. Я не сплю.

ХАНС. Я говорю, время идет, а мы никак не начнем. Есть хочу. Сейчас бы мороженого. Бац – и мороженое. Как, понравилось бы тебе такое?

ИОСИФ. Мороженое я люблю.

ХАНС. Особенно клубничное.

ИОСИФ. Клубничное – ерунда, вот шоколадное – это вещь.

ХАНС. Давно бы так. Шоколадное?

ИОСИФ. Да, и к тому же с орехами.

ХАНС. Я шоколад не люблю.

ИОСИФ. Не любишь? А карамель?

ХАНС. Обожаю. А еще больше – леденцы, могу их целый день сосать. Вот только мама не дает. А тебе?

ИОСИФ. Мне тоже.

ХАНС. Тоже?

ИОСИФ. Да, потому что давать нечего.

ХАНС. Нечего?

ИОСИФ. Совсем нечего!

Смеются.

ХАНС. А у меня есть чего.

ИОСИФ. Зато у меня шоколад есть.

ХАНС. Шоколад есть? Откуда у тебя шоколад? У тебя даже леденцов нет!

Смеются.

ХАНС. Ах ты, дурья голова, я же совсем забыл! Такое я приготовил!.. Смотри.

(Достает из своей тумбочки две маски).

ИОСИФ. Что это?

ХАНС. Маски. Смотри, смотри же! Не узнаешь?

ИОСИФ. Когда ты успел?

ХАНС. Целый день трудился, пока ты тут разлеживался. Как тебе? Это ты, это я. В масках интересней будет. Согласен? Как в театре. Ты любишь театр? Держи-держи.

Протягивает Иосифу маску с изображением собственного лица.

ИОСИФ. Это ты?

ХАНС. Не похож? А это ты.

ИОСИФ. Я, я?! Да ты художник!

ХАНС. Похож ведь, вылитый!

Смеются.

ХАНС. Тише, тише, услышат и будут нас ругать.

ИОСИФ. За что?

ХАНС. Шумим, скажут.

ИОСИФ. А мы что скажем?

ХАНС. Мы скажем... что это не мы.

ИОСИФ. Не мы? А кто?

ХАНС. Не знаю. Мыши, мыши!

ИОСИФ. Мыши!..

Смеются.

ХАНС *(прикрывая лицо маской Иосифа).* А ты боишься мышей?

ИОСИФ *(прикрывая лицо маской Ханса).* Нет, нисколько. Я ничего не боюсь.

ХАНС. А я побаиваюсь. Пи-пи-пи, пи-пи-пи. И моя сестра, она тоже боится.

ИОСИФ. У тебя есть сестра?

ХАНС. Да, конечно. Да!

ИОСИФ. Где же она?

ХАНС. Как – где? Не знаю. Спит, наверное, уже ночь. Наверняка спит. Она еще маленькая, так что мама давно ее уложила.

ИОСИФ. А у меня нет сестры.

ХАНС. Значит, есть брат.

ИОСИФ. И брата нет.

ХАНС. А у меня - сестра.

ИОСИФ. "Сестра". А у меня - никого. Один я.

ХАНС. Вот и радуйся, все тебе достанется, не надо делиться игрушками, сладостями... И на каруселях будут катать только тебя.

ИОСИФ. Только меня.

ХАНС. Только тебя.

ИОСИФ. А у тебя – сестра... Одна?

ХАНС. Пожалуй, да, можно и так сказать.

ИОСИФ. Ты с ней играешь?

ХАНС. Нет, она слишком маленькая, слишком маленькая! Мне с ней скучно, ох, как тоскливо. А ты бы попросил свою мамочку.

ИОСИФ. Что?

ХАНС. Мамочка, - скажи, - мамочка, ну, пожалуйста!

ИОСИФ. Что?

ХАНС. Сделай мне братика, сделай мне братика! Бац – и братик! Бац – и сестричка! Ну чего тебе стоит, мамочка!..

ИОСИФ. Ну чего тебе стоит, мамочка?

ХАНС *(отрывает маску от лица)*. Сейчас не могу, мужа нет, папки твоего.

ИОСИФ. Папки нет...

ХАНС. Папки, папки... *(Смеется)*. Был да весь вышел. А без папки очень трудно что-либо сделать. Но я попробую, если хочешь. Хочешь, хочешь?

ИОСИФ. Не знаю. Мне скучно одному. У всех братья, сестры, только я один.

ХАНС. У тебя много друзей.

ИОСИФ. Друзья – это не то, совсем не то.

ХАНС. Хочешь я тебе кошку или собачку куплю? С собачкой очень даже весело. Ты будешь играть с ней, бегать, прыгать...

ИОСИФ. Я хочу железную дорогу.

ХАНС. Нет, это очень дорого, а у нас нет денег. Я должна заработать, тогда может быть... Хочешь солдатиков?

ИОСИФ. Хочу.

ХАНС. Хочешь? Очень хорошо. Завтра купим.

ИОСИФ *(отрывает маску от лица)*. Купим?

ХАНС. "Купим"! Конечно, обязательно! Ни черта она не купит! Она все время мне что-нибудь обещала и никогда, никогда, ни разу в жизни не купила, даже ерунды какой-то! Солдатики, солдатики! Как я мечтал о солдатах! У тебя были солдатики?!

ИОСИФ. Были.

ХАНС. А у меня не было! Ничего у меня не было! Пустые консервные банки – единственные мои игрушки! Не то, что у вас!..

ИОСИФ. Ну ладно тебе, ладно, все не так уж и плохо. Да? Если б я знал, я бы тебе прислал что-нибудь. Зашел бы на почту и послал бы тебе оловянных солдатиков. Или паровозик. Но я не знал, что ты существуешь, не подозревал.

ХАНС. А неплохо у нас получается, а? Давай дальше.

ИОСИФ. На чем мы остановились?

ХАНС. На твоей матери.

ИОСИФ. На твоей.

ХАНС. Бац – и на твоей! На твоей, на твоей! *(Они прикрывают лица масками).*

ИОСИФ. Хорошо. У меня не было никаких игрушек.

ХАНС. Не было. А у меня было все – паровозики, солдатики, конфетами я обжирался, мороженое уплетал за обе щеки! Все у меня было отлично, и учился я лучше всех, только отличные отметки приносил! Так ведь? Мама радовалась, а папа покупал мне новые игрушки, ни у кого таких не было, ни у кого! Верно, верно?

ИОСИФ. Да.

ХАНС. Ну? Дальше что?

ИОСИФ. Дальше? Дальше существовал я. Мне было скучно и грустно жить. Ты ведь жил в городе, во Франкфурте. А я – в крошечной деревеньке под Брауншвайгом. В малюсеньком домике, куда папа, даже если б он и не умер, все равно не поместился бы. Да?

ХАНС. Да... Я был богат, а ты нищ. Говори!

ИОСИФ. Конечно. Ты жил во Франкфурте, и родители твои жили не бедно, а я жил в дыре, и мать моя ничего, кроме забот, не знала.

ХАНС. Да-да, точно. Как тебя звали, Иосиф?

ИОСИФ. Меня звали Ханс, Ханс.

ХАНС. А меня звали Иосиф, Иосиф. Вот такая жизнь, бац – и Иосиф, бац – и Ханс. А ты помнишь своего отца, Ханс? Как он выглядел, что говорил, пил, ел, какие песни любил слушать?

ИОСИФ. Не помню.

ХАНС (*без маски*). Неправда, неправда! Я его помню, очень хорошо помню! Он меня любил, играл со мной, на карусели водил. Или я тебе этого не говорил?! Я обожал своего отца! Он был сильным, красивым, умным!.. И очень веселым, смешил меня всегда. С ним нельзя было грустить, просто невозможно, хотелось только улыбаться, смеяться, хохотать!.. Простой деревенский мужик - вот кто был мой отец, понял? Понимаешь?

ИОСИФ. Да, понимаю.

ХАНС. И я его помню, очень хорошо помню! Говори, пожалуйста!

ИОСИФ. Да-да, я его помню. И еще он рассказывал сказки. Он их сам придумывал.

ХАНС. Да.

ИОСИФ. И всегда добро в его сказках побеждало зло. Только один раз... перед тем как он пошел на войну, он рассказал очень грустную сказку...

ХАНС. Ты помнишь ее?

ИОСИФ. Нет.

ХАНС. Да! Почему – нет? Ну, вспомни, пожалуйста, я ведь тебе рассказывал недавно. Ну!

ИОСИФ (*без маски*). Нет, не могу, не помню.

ХАНС. Иосиф!

ИОСИФ. Я, правда, не помню, Ханс.

ХАНС. Но я ведь рассказывал, рассказывал!

ИОСИФ. Да, что-то такое было, но ты прости меня...

ХАНС. И я не могу вспомнить! Я забыл, понимаешь ты, забыл! Она крутится на языке, но я не могу!.. Всю жизнь, каждый день я повторял эту сказку моего отца и вот сегодня, сейчас... Старость, склероз!.. Я ненавижу свою немощность, дряблое тело, я не могу на себя в зеркало смотреть, мне противно! Ненавижу себя! И не помню ничего! Главного не помню!

ИОСИФ. Да, я тоже... до сих пор не могу поверить, что мне семьдесят шесть, семьдесят шесть!..

ХАНС. Мне тоже семьдесят шесть! Я – дряхлая, старая, никому не нужная тряпка! У меня нет детей, нет жены, я один, на всем свете один! У тебя, Иосиф, жена, жена есть, а я... один! Понимаешь ты, что такое – один!

ИОСИФ. Моя жена умерла пять лет назад.

ХАНС. Все равно она у тебя есть! Тут, в душе твоей!

ИОСИФ. А ты когда родился? В какое время года?

ХАНС. Весной. В марте.

ИОСИФ. А я – осенью. Тебе лучше. Тем, кто родился весной, всегда лучше.

ХАНС. Ты смеешься надо мной?! Где же мне лучше, в чем?! Ты глупость говоришь, Иосиф! Ты глупый, неумный человек, дожил до семидесяти шести и продолжаешь верить во всякую чепуху. Это глупо, смешно. А что делать тем, кто родился зимой? Нет, ты ответь.

ИОСИФ. Одеваться теплей.

ХАНС. Что? Одеваться? Ну, ты сказал, ну ты даешь!.. А мне что делать? Я по ночам мерзну. Родился весной, а ноги мерзнут. А? Как это, по-твоему, понимать? Ну, говори, что делать, трясусь по ночам.

ИОСИФ. Сестре сказать. Пусть выпишут мазь какую-нибудь, согревающую.

ХАНС. Мазь? Мазь! Может, лучше водки? Не помогает мне ничего, Иосиф. Трясусь и все.

ИОСИФ. Старость, я тоже мерзну. Кровь не греет.

ХАНС. "Старость, не греет". Трясусь, тебе говорят!

ИОСИФ. И сейчас?

ХАНС. Да, представь себе.

ИОСИФ. У меня носки есть шерстяные, дать?

ХАНС. Не надо, опоздал ты с носками. Дал бы ты мне их лет пятьдесят назад, может, и помогло бы, а теперь... Буду мерзнуть. А, Бог с ним. Значит, я был отличником, а ты?

ИОСИФ. Так, не очень было у меня... по-разному.

ХАНС *(в маске)*. Хорошист?

ИОСИФ *(в маске)*. То так, то эдак.

ХАНС. Да что с твоей головой?! Троечник, троечник!

ИОСИФ. Да, троечник. Но иногда я получал хорошие, даже отличные отметки.

ХАНС. Да-да, но это было так редко. Не мог ты заниматься, некогда тебе было, надо было матери по хозяйству помогать, поиграть хотелось...

ИОСИФ. Ей было трудно, невыносимо одной.

ХАНС. Невыносимо! Верное слово. Матерям часто бывает невыносимо. Мужикам проще, а женщина... Как мне было трудно без нее! Мамочка, родная!..

ИОСИФ. Умерла моя мамочка!..

ХАНС. Я знаю, знаю!

ИОСИФ. Да, прости.

ХАНС. Она ждала ребенка. Мне очень хотелось, чтобы это случилось поскорей. Мечтал я, конечно, о брате. Зачем мне сестра, что я буду с ней делать, в куклы играть, через веревочку прыгать? Нет-нет, мне был нужен брат. Я сказал об этом и папе, и маме. Они посмеялись и спросили, что я буду делать, если родится сестра? Ничего не буду делать, буду плакать. Папа улыбнулся и сказал: "С девчонками тоже можно дружить, я ведь дружу с мамой". Мама!.. Какая она была красивая! Хотя огромный живот ее мне совсем не нравился, мне казалось, что это портит ее, старит. Да и понять я не мог, как там может жить мой брат. Мне было десять, когда ее не стало. Она умерла от родов. Родила мертвую девочку и сама умерла.

ИОСИФ *(без маски)*. Мама!..

ХАНС. Моя сестра родилась мертвой! Понял?! *(Без маски)*. Твоя сестра родилась мертвой, Иосиф.

ИОСИФ. Да.

ХАНС. Да! А что ж тогда спрашивал, если сам знаешь, что никакой сестры не было и нет?

ИОСИФ. Я знал, но я думал, что мы...

ХАНС. Мы с тобой – единственные дети наших несчастных родителей. Твой отец, моя мать, ты, я - вот наш Мир, наша Вселенная, наша надежда, прощение, любовь. Любовь... Хе-хе, сейчас расскажу тебе... Первый раз я влюбился, когда мне было четырнадцать или даже тринадцать...

ИОСИФ. Ты?

ХАНС. Ты – Ханс, Иосиф!

ИОСИФ. Да, прости, ты – Иосиф, я – Ханс. *(Прикрывает лицо маской)*.

ХАНС. Неважно, слушай. Я влюбился в соседскую девочку. Бригитта ее звали.

ИОСИФ *(без маски)*. Бригитта.

ХАНС. До чего она была хороша! Белокурые длинные волосы, точеный носик, мягкий, ласкающий взгляд, стройные ножки. А походка! Помнишь ее походку? Она не ходила, она парила, слегка отталкиваясь от земли. За ней можно было наблюдать часами. Так я и делал. А однажды я подошел к ней. Мы ведь были знакомы, с шести лет в одном доме. Я сказал ей тогда: Бригитта, пойдем в кино...

ИОСИФ. В цирк.

ХАНС. Пойдем в кино, у меня есть два билета. А никаких билетов, разумеется, у тебя не было, их предстояло купить. Она согласилась. И ты... и я, сломя голову, побежал покупать билеты. А что было со мной, когда кассирша сказала, что на сегодня все билеты проданы. Я кричал, умолял, угрожал, предлагал десятерную цену, но... бесполезно, билетов не было. Я думал, что умру. И что ты сделал? Кому ты там заплатил в результате? Контролеру?

ИОСИФ. Дрессировщику собак. И мы смотрели представление из-за кулис.

ХАНС. У меня были не очень удобные места, почти ничего не было видно. Да меня кино и не интересовало совсем, я смотрел на Бригитту. И в мозгу моем была только одна мысль – сесть ближе, взять ее за руку и сидеть так сеанс, два, три, вечность... И, мне казалось, что и она хочет того же, я даже был уверен в этом. Изредка она поворачивала голову в мою сторону и, чуть улыбнувшись, переводила взгляд на экран. Я сел к ней ближе. Она как будто этого не заметила, я подвинулся еще ближе, почти вплотную. Я чувствовал ее тепло, слышал дыхание!.. Я был на седьмом небе! Счастью моему не было конца!

ИОСИФ. Не было конца...

ХАНС. Молчи, ты ничего не знаешь о счастье!

ИОСИФ. Да-да, я молчу. Что было дальше, рассказывай.

ХАНС. Кончился фильм, и мы пошли домой. И я, и она – мы оба почему-то боялись говорить, а мне так хотелось сказать что-то важное, главное: как ты прекрасна, удивительна, неповторима! А мы болтали о фильме, о глупой киношке, пытались вспомнить содержание, путались в именах героев. Я взял ее за руку...

ИОСИФ. Нет...

ХАНС. Да-да, я нарочно так сделал, как будто я главный герой, а она героиня. Я взял ее за руку и сказал словами героя: "Ты чертовски хороша, таких девчонок больше нет на свете, и я готов за тебя жизнь отдать!"

ИОСИФ. Этого не было.

ХАНС. Она стала смеяться. Она понимала, что речь идет не о героине, а о ней, но ей было неудобно, неловко. Мы хохотали так, что оборачивались прохожие. И сквозь смех она говорила: "Ты тоже хороший парень, и ты мне, пожалуй, нравишься". Она говорила обо мне, обо мне!

ИОСИФ. Ты все выдумал.

ХАНС. Она поняла игру. "Не пойти ли нам к священнику?" – спросил я Бригитту. "Я думаю, он очень обрадуется, - ответила она, - тем более, что сейчас час ночи. Да, надо идти". А?! Каково?! Веселью нашему не было конца. Я поцеловал ее руку. И она покраснела. Даже в темноте я заметил краску на ее прекрасном лице. Мы продолжали играть. "Я люблю тебя!" – сказал я Бригитте. "Я, кажется, тоже..." – совсем тихо ответила она.

ИОСИФ. Ничего подобного не было, я не мог, я был очень стеснительным...

ХАНС. Это было сказано у подъезда ее дома. Так мы простились словами героев дурацкого фильма. "Я люблю тебя!" "Я, кажется, тоже..." Я люблю тебя... Я люблю тебя...

ИОСИФ. Нет, не говорил... Я хотел сказать, хотел прокричать это, но вышло лишь – "до свидания". До свидания, Бригитта.

ХАНС. Я люблю тебя, Бригитта.

ИОСИФ. Если б я мог, если б я только мог произнести эти слова... До свидания, Бригитта.

ХАНС. Я люблю тебя. И она ответила мне: я тоже. И я... я поцеловал ее. Поцеловал, правда! А она меня. Ласково так, нежно... я до сих пор чувствую ее мягкие теплые губы. Так было со мной когда-то.

ИОСИФ. Ханс...

ХАНС. Ты – Ханс! Я – Иосиф!

ИОСИФ. Да, конечно... Я только хотел сказать... Может, ты зря пошел в еврейский дом престарелых? Тебе было бы лучше в немецком.

ХАНС. Там не было б тебя.

ИОСИФ. Вот и хорошо.

ХАНС. Плохо, плохо...

ИОСИФ. Да, конечно...

ХАНС. И потом, для чего, я столько лет перечислял деньги в еврейскую общину, для чего, по-твоему, были мои добровольные пожертвования? Я это место заслужил.

ИОСИФ. Да-да, конечно.

ХАНС. Ладно. Что было с тобой, Ханс, когда ты впервые влюбился? Опять забыл?

ИОСИФ. Помню...

ХАНС. Ну так не молчи!

ИОСИФ. Она была старше меня на шесть... нет, на семь лет. Мне – четырнадцать, ей – двадцать один. Она была мне подругой, любовницей, матерью. Да, матерью! Она сама хотела этого. И иногда у меня невольно срывалось – мама.

ХАНС. Ты называл ее - мама?

ИОСИФ. Да, вместо того, чтобы сказать – Бригитта...

ХАНС. Ее звали Элен.

ИОСИФ. Да-да, а я ей говорил – мама. Самому было противно от этого. Я ведь считал себя взрослым, а тут – мама!.. Мне было ужасно неприятно, а она, наоборот, радовалась моим ошибкам, еще сильнее прижималась ко мне, ласкала, утешала...

ХАНС. Точно, так и было. Я у нее пропадал целыми днями, ночевал только дома. Конечно, приходилось скрываться, приходиться к ней украдкой, чтоб никто не заподозрил, что у нас с ней... Если б кто-нибудь нас увидел, были бы большие неприятности и у меня, и у нее. Полгода это продолжалось, полгода изо дня в день я, забывая обо всем, бежал к ней, чтобы обнять ее, прижаться... сказать – мамочка, мамочка...

ИОСИФ. ...поцеловать, превратиться из ребенка в молодого взрослого человека. А как я любил ее слушать. Она обсуждала со мной свои каждодневные дела, заботы, спрашивала мое мнение... мы спорили, доказывая собственную правоту, я не находил веских аргументов, сердился, кричал на нее, ругался... и тут же бросался к ней со слезами на глазах, умолял простить меня, забыть все, что я наговорил дурного, клялся в своих чувствах... До чего было прекрасно, если б ты только знал!

ХАНС. Знал!..

ИОСИФ. Элен исчезла внезапно. Я метался, ходил, как в бреду, искал ее по всей округе!.. Никаких следов, будто ее и не было вовсе. Я перестал спать, есть, никого не видел, не слышал... начал подумывать о самоубийстве... Ужасно было, ужасно. Мама, моя бедная мама не понимала, что происходит, ходила со мной по врачам, пыталась понять мой недуг... да... А перед моими глазами стояла она. Моя любимая, единственная Элен! И я кричал, умолял ее вернуться, простить меня!.. Вернись ко мне, Элен!

ХАНС. Вернись ко мне, Элен!

ИОСИФ. Я люблю тебя!

ХАНС. Я люблю тебя!

ИОСИФ. Люблю! Не могу жить без тебя!

ХАНС. Не могу!

ИОСИФ. Элен, Элен!..

ХАНС. Тише. Мне кажется, там кто-то ходит.

ИОСИФ. Где?

ХАНС. Там, в коридоре. Наверное, сестра.

ИОСИФ. Тебе показалось.

ХАНС. Да нет же, там кто-то есть.

ИОСИФ. Хорошо, я посмотрю.

Иосиф открывает дверь.

ИОСИФ. Никого нет.

ХАНС. Я слышал шаги.

ИОСИФ. Ты очень подозрительный, Ханс.

ХАНС. Может быть, послышалось. Я – "подозрительный"! Да, представь себе! Проживешь такую жизнь, станешь подозрительным. Это у тебя – тишь да гладь, ни забот, ни хлопот!..

ИОСИФ. У меня?

ХАНС. Да, у тебя, у тебя! Подозрительный я!..

ИОСИФ. Я не прав, прости.

ХАНС. Простить? Не хочу, не прощу тебя никогда в жизни! Не прощу, не прощу! Запомнил? Не прощу! Никогда, ни за что! Не на все можно смотреть сквозь пальцы, мой дорогой Ханс! Кое-что останется в моей голове до самой смерти! И даже то, что мы вынуждены жить в одной комнате, сидеть внизу за одним столом, пользоваться одним туалетом, ванной, даже это, даже это!.. Ты уверен, что там никого нет? Мне кажется, я слышу голос сестры. Ох, и злобная баба.

ИОСИФ. Я только что смотрел, там тихо.

ХАНС. Значит, этот шум из моей головы. У тебя, поди, в башке затишье... а у меня грохот, Иосиф, страшный грохот! Так грохочет, что можно сойти с ума!

ИОСИФ. А я устаю, Ханс. Вроде ничего целыми днями не делаю, живу в свое удовольствие, отдыхаю, гуляю, думаю, а вот...

ХАНС. Меньше думай, Иосиф, и уставать перестанешь.

ИОСИФ. Если б я знал, как это сделать.

ХАНС. На меня смотри. Понял? На меня. Не понял, не понял? А еще лучше - в зеркало. А? Соображаешь?

ИОСИФ. Есть хочется.

ХАНС. Нельзя, дорогой друг, не положено ночью.

ИОСИФ. У меня сок есть, печенье. Будешь?

ХАНС. Угостишь – буду.

ИОСИФ. стакан вот только один.

ХАНС. Мы же не чужие люди, можем из одного попить. Как считаешь, не чужие? Роднее родных, точно? Эх, Иосиф, более близких людей мир не видывал. Наливай, наливай. Отметим это событие соком. Вина ведь ты не припас? А я бы с удовольствием сейчас винца. Ну, за тебя, тень моя любимая, за тебя!

Пьют сок, едят печенье.

ХАНС. За такое печенье ты бы в детстве многое отдал. Не слышишь меня? Я говорю, что за такие сладости ты бы в детстве душу продал. Правда ведь, Хансик?

ИОСИФ. Да, да...

ХАНС. Моя мать такое печенье пекла, ни в каком магазине не купишь. Хватит жевать, Иосиф!

ИОСИФ. Да, пекла она, как никто. Вкусно. И все же, проходя мимо витрин кондитерских, она засматривалась на пирожные, торты... Она ни разу не была в ресторане! Ни разу в жизни, понимаешь, что это значит?! Ничего не видела, никуда не ходила. В театре никогда не была!

ХАНС. Да, точно... Ничего не видела, в театре не была... А пекла вкусно. Я тоже никогда не был в театре.

ИОСИФ. Ты не хотел, тебе было не интересно, а она не могла себе позволить! Она думала о тебе. Считала свои грошики...

ХАНС. Ладно, хватит, надоело! Налей-ка еще соку, в горле пересохло. А мы неплохие актеры, как считаешь? С нами и кино снимать не стыдно. Вот только двигаемся с трудом. Но в остальном, все как у профессионалов.

ИОСИФ. Как твои ноги, Ханс?

ХАНС. Болят ноги, хоть кричи караул. Боюсь, через пару недель буду толкать впереди себя тележку. Как наш сосед. Он без такой опоры и шагу сделать не может. А может, и в коляске окажусь. Будешь меня на улицу вывозить? Будешь? Слушай, если такое случится, они меня переведут на другой этаж! Лежачие и окончательно больные у нас на третьем, вот и я там буду. Как же я без тебя? Как же мы будем?!. Порознь?! Нет-нет, это невозможно!

ИОСИФ. Мы будем вместе. Если что, я попрошусь с тобой.

ХАНС. Так они тебя и послушались, как же. Плевать они на нас хотели, в гробу они нас видали. Точно сказал, это их главная задача - поскорей заколотить нас в деревянный ящик.

ИОСИФ. Мы будем вместе, я обещаю. Что бы ни произошло – всегда вместе.

ХАНС. На том свете все вместе. Как твое сердечко, старина? Вчера ты кисло выглядел, я заметил.

ИОСИФ. Да, прижало немного. Но это ерунда, бывает. Я на него не обращаю внимания.

ХАНС. Правильно, не обращай. Мы с тобой умрем в один день. Как ты на это смотришь? Согласен? Вдвоем веселей будет. Ты будешь орать от боли в сердце, а я просто отброшу лапы или insult подхвачу. Нет, я правильно говорю, вдвоем помирать не скучно. Столько лет мы не были знакомы, ничего не знали друг о друге, имеем право подохнуть вместе. Ну, идет, договорились? Да ты не трусь, проживем еще годков пять, потом и отвалим.

ИОСИФ. Не знаю, проживу ли я пять лет.

ХАНС. Такие, как ты, живут долго. Тебя не проберешь, не примешь ничем. Ты у нас пуленепробиваемый. Попили-поели, пора и за дело браться.

ИОСИФ. Что-то устал я немного.

ХАНС. Ничего, потерпишь, сейчас самое интересное начнется. *(Начинает петь "Алейхем, шолом алейхем")*.

ИОСИФ. Ты что?! Тише, разбудишь всех! Ханс!

ХАНС. Иосиф я, Иосиф! *(продолжает петь)*.

ИОСИФ. Я прошу тебя, у нас будут неприятности! Ханс! Иосиф-Иосиф! Не пой, времени час ночи!

ХАНС. Не могу не петь, это моя любимая песня. И настроение сразу хорошее. Ты только послушай, как красиво! *(Поет)*.

ИОСИФ. Что было с Бригиттой?!

ХАНС. Что-что?

ИОСИФ. Что было с твоей первой любовью?!

ХАНС. Молодец, соображаешь. Но допеть все равно нужно, иначе нехорошо, не по-людски, песню нельзя прервать на полуслове. Такая песня! ноги сами в пляс идут! Эх, последний раз живем, плевать я на все хотел!

Ханс начинает плясать, изображая из себя еврея. Вокруг него бегают Иосиф, пытаясь остановить, утихомирить Ханса.

ИОСИФ. Прошу тебя, прошу!..

ХАНС (*не переставая петь и плясать*). Да я тихо, тихо...

ИОСИФ. Не надо, Ханс, сестра придет!

ХАНС. Плевать я на нее хотел, на всех плевать! Брось трястись, пляши давай!
Ну, живее, живей! Ханс, Ханс!..

ИОСИФ. Я не умею еврейские танцы, Иосиф...

ХАНС. А ты учись, это совсем несложно. И подпевай давай, подпевай! Знаешь слова?! Ну так подсказывай, я все не помню! А-а, без слов будем. Иди, иди сюда. Руки – под мышки, перебирай ногами, вот и весь танец. Ну!

ИОСИФ. Хорошо, только тихо.

ХАНС. И подпевай, не стесняйся!

ИОСИФ. Я пою, пою...

Напевая мелодию, они танцуют. Ханс останавливается. Оба пытаются отдышаться.

Небольшая пауза.

ХАНС. Ну? А шабат? Какой немец не любит шабат?

ИОСИФ. Что было с Бригиттой?

ХАНС. Да ничего с ней не было. Обыкновенно все. Узнали ее родители, что она со мной встречалась, и все. Запретили, сказали, что не стоит бродить по киношкам с всякими еврейчиками, для этих целей существуют добропорядочные молодые люди из приличных семей. А я, болван, все понять не мог, что происходит с моей Бригиттой. Видел ее на улице, бежал к ней, пытался что-то сказать, а она отворачивалась, прятала глаза и убегала домой. Как я страдал тогда! Разрушились мечты, пропала любовь! Так мне было плохо, что не выдержал, пошел к ней домой. Дверь открыла служанка, увидела меня и не пустила на порог, велела ждать. Через минуту вышел ее отец. Красивый, подтянутый. Он приказал мне убраться вон и более никогда в его доме не появляться, иначе у меня и у моих родителей будет много неприятностей! И подтолкнул меня – пошел отсюда, пошел, еврейский выродок! Боже, как я плакал! За что, за что?! А служанка смеялась мне вслед. Жиденок, жиденок!..

ИОСИФ. Эти крики были позже. В то время я получил лишь вежливый отказ и пожелание больше не беспокоить Бригитту.

ХАНС. Да, да! Пока ты в деревне с девкой развратничал, я получал первые, самые горькие плевки в лицо. Я бежал домой и думал, никак не мог понять, почему ее отец, почему?!. Еще два года назад, встречаясь со мной на улице, он здоровался за руку, трепал мои волосы, улыбался...

ИОСИФ. Но пришел тридцать третий год...

ХАНС. Да неважно это! Тридцать третий, тридцать четвертый – какое это имеет значение?! Я влетел в дом и бросился в комнату отца. Он сидел за столом, перебирал какие-то бумажки. Увидев меня, он сразу все понял. Иначе, зачем бы он стал меня успокаивать? Ах, папа, папа!.. Он прижал мое заплаканное лицо к себе, поцеловал в лоб и сказал: "Ничего, ничего..." Ничего! Ты понимаешь, что это словечко значит?! Слышал бы ты, как он произнес это "ничего"! Мне кажется, уже тогда он понимал, что произойдет со страной, с людьми. "Ничего, Ося, ничего"...

ИОСИФ. Может быть, ты и прав.

ХАНС. "Может быть"! Наверняка! Он все понимал, многие тогда понимали. С того самого дня папа стал экономить. Никогда в нашем доме этого не было. И вдруг... Вроде, и денег он зарабатывал столько же, но экономил, экономил. Это было странно. Я никак не мог понять, почему нельзя купить самые вкусные, самые любимые пирожные, конфеты. Папа, папочка!.. Он никогда не был жадным. "Дела идут плохо?" "Да-да, не очень". Он не умел врать. Дела шли, как и раньше. Магазинчик, который держал папин брат, торговал, приносил постоянный, нисколько не изменившийся доход, все было, как прежде. Почему он экономит, почему во всем меня ограничивает? Почему я лишен карманных денег? – не понимал я. Почему папа стал таким замкнутым, неразговорчивым? Что-то было неладно в доме. Я пытался понять, но не мог, не хватало мозгов. Да, папа, мой папа! Он собирал деньги, копил, откладывал, экономил на еде.

ИОСИФ. Ты прости меня, Ханс, но я не могу больше, это выше моих сил!

ХАНС. Что – выше? Что?!

ИОСИФ. Не могу слушать, не могу!

ХАНС. Сможешь, куда тебе деваться, в одной клетке живем.

ИОСИФ. Все это перед глазами, понимаешь ты или нет! Каждая мелочь, деталь, всякая ерунда всплывает! Я не выдержу! Каждый день, каждый день!.. Нет, не надо! Пожалуйста!

ХАНС. Успокойся, тебе нельзя нервничать. И мне нельзя. Никому нельзя. А до конца дойти надо, необходимо. Мы должны это сделать. Нам ведь ни разу не удалось, так? А сегодня получится. Ты меня понял, Иосиф?! Сегодня мы закончим эту бодягу, чего бы нам это ни стоило! Смотри, какая тихая, теплая ночь. Каждая звездочка видна. Как ты думаешь, людей больше или звезд на небе? Я думаю, звезд. Смотрят звезды на нас и ничего понять не могут. Дураки, думают, там живут, дураки и

шизофреники. И, глядя на Землю, они радуются, что их никто не заселил. И отдаляются от нас, отдаляются, чтобы, не дай Бог, как-нибудь случайно не забрел к ним человек. А некоторые из них, особо слабонервные, даже мысли такой не выдерживают, сигают с неба, кончают жизнь самоубийством. Вот так, старик. А ты говоришь... Нам с тобой сигать некуда. Понял? Кумекай, крути шариками – мы уж давно в полете. И не долго нам с тобой осталось барахтаться. Ты боишься смерти, Иосиф?

ИОСИФ. Не знаю, нет, пожалуй. Муравьи тоже умирают.

ХАНС. Приехали. Ты что, муравей?

ИОСИФ. Да, только большой.

ХАНС. Совсем ты, дружок, тронулся. Муравей, большой муравей!.. Я, значит, тоже муравей? Не повезло нам тогда с муравейником, ха-ха-ха!.. Дерьмовый муравейник. А я жду-не дождусь своей смерти. Устал жить я, Иосиф, ох как устал! И беспомощности своей боюсь! Третьего этажа боюсь, он мне снится все время, проклятый третий этаж! Не дай Бог совсем потерять сознание и продолжать жить! Превратиться в прах, и все же дышать, есть, испражняться, не понимая, что делаешь. Это тебе не муравей, который знает, что, зачем и когда - это что-то другое, ужасное, страшное!.. Чувствует мое сердце, ждут меня двумя этажами выше, ой как ждут!.. Тебе хорошо, ты там не окажешься.

ИОСИФ. Кто знает.

ХАНС. Я знаю. У тебя на лице все написано. Не быть тебе там, никогда не быть.

ИОСИФ. А что еще написано?

ХАНС. Что умрешь тихо, безболезненно, во сне. Во сне умрешь, Иосиф. О такой смерти можно только мечтать. Хочешь умереть во сне? Хочешь? Ну?!

ИОСИФ. Хочу.

ХАНС. Вот и умрешь, умрешь-умрешь, обязательно!.. И сразу – к Богу! Хочешь к Богу? Хочешь, я знаю! Как же, ждет он тебя! Скучает по тебе, бедолага, спрашивает у всех: "Когда же Иоська прибудет? Позаботьтесь кто-нибудь, приведите парня!"

ИОСИФ. А они что?

ХАНС. Они? Они говорят: „ Живет, подлец, умирать не желает. Мы уж и так к нему, и эдак – не хочет!"

ИОСИФ. А Бог?

ХАНС. Ругается, как последний пропойца.

ИОСИФ. Как же?

ХАНС. Как?.. Ну... Гады, кричит, собаки зверские, пердуны старые!..

ИОСИФ. Мы?

ХАНС. А кто ж еще?! Натуральные, во весь рост и звук.

ИОСИФ. Во весь рост и звук! Ну, насмешил, насмешил меня!..

Оба смеются.

ХАНС. Сейчас еще посмеемся. А что нам еще делать? Ночь хорошая, можно и повеселиться. Верно говорю?

ИОСИФ. Главное, негромко.

ХАНС. Это тебе не телевизор, звук не убавишь!..

ИОСИФ. Да-да, не телевизор.

ХАНС. Рассказывай, что там у тебя было?

ИОСИФ. Где?

ХАНС. В жизни твоей. Что примолк? Столько у тебя было интересного, а ты все молчишь. Тебе бы только смеяться. Давай, Ханс, смелей, сбрось с себя все ненужное и пойдем дальше. Опять молчишь!

ИОСИФ. Хорошо... Мама, моя мама... Никак она не могла понять, что со мной... что причиной всему Элен...

ХАНС. Это я уже слышал. Дальше, дальше давай!

ИОСИФ. Дальше?

ХАНС. Забыл?! Черт бы тебя!.. Из школы ушел, из дома уехал!.. Ну!

ИОСИФ. Вся жизнь моя перевернулась. Я хотел бежать, куда угодно, лишь бы бежать, бежать, бежать!..

ХАНС. Учиться ты не хотел, в школу ходить.

ИОСИФ. Не в этом дело, не в этом! При чем здесь школа, учеба? Элен! Она не покидала меня ни на секунду, не оставляла в покое мою голову, сердце!

ХАНС. "Сердце"! Бедняга, мне тебя искренне жаль. Взял билет, разорился и что, попал пальцем в небо? Нашел свою престарелую подругу? Ну-ну, не престарелая, совсем еще молодка. Отыскал красавицу?

ИОСИФ. Нет.

ХАНС. Ой, как интересно, куда же она запропастилась? Как пить дать, она жила именно в той дыре, куда тебя занесло. Ты ведь далеко уехал - километров за тридцать от своей деревни!

ИОСИФ. Потому что денег не было, ясно тебе?! А когда они совсем кончились, мне пришлось устроиться на работу, чтобы не подохнуть с голоду. Опять я безвылазно торчал в деревне, с единственной мечтой – скопить денег и поехать в большой город, в Берлин.

ХАНС. Это еще зачем?

ИОСИФ. Я вдруг подумал, что скорей всего она уехала в Берлин. В то время многим хотелось в Берлин. И мне тоже. Чувствовалось, что должно произойти что-то совсем необычное, важное, сказочное...

ХАНС. "Сказочное". Ну, произошло?

ИОСИФ. Я работал по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Плотник, к которому я устроился в помощники, платил мне гроши. И все же я умудрялся откладывать, экономил на всем и копил, копил...

ХАНС. Как твой... мой отец.

ИОСИФ. Да.

ХАНС. Сколько тебе лет было, болтун?

ИОСИФ. Семнадцать, наверное, не помню.

ХАНС. Меня уже воротит от твоей чепухи! Вот где мне твоя баба, слышать о ней не могу! Семнадцать лет ему было! Смех, ей-богу! Ты, милый друг, в свои семнадцать по бабам прыгал, а я, я!.. Ну ладно, хорошо, продолжай, что там у тебя случилось? Но с Элен мы закончили, понял, навсегда закончили!

ИОСИФ. Ты любил ее, как никого, никогда больше.

ХАНС. Хватит!

ИОСИФ. Как божество любил.

ХАНС. Заткнись, сказал!

ИОСИФ. Ты и сам это прекрасно знаешь.

ХАНС. Иосиф!..

ИОСИФ. Я – Ханс, ты – Иосиф.

ХАНС. Да, да! Именно так! И нечего здесь!.. молчи тогда!.. Ты меня доводишь, дружище! Опять мы застопорились на том же месте! Но сегодня твои хитрости не пройдут! Давай дальше! Дальше, дальше!

ИОСИФ. Я попробую. А ты не нервничай, сам ведь говорил, нам с тобой не очень-то это полезно. Посмотри, у тебя руки дрожат.

ХАНС. Главное, чтоб у тебя ничего не дрожало.

ИОСИФ. Может, тебе лекарство принять.

ХАНС. Не беспокойся, о себе думай.

Ханс берет таблетку, запивает соком.

Небольшая пауза.

ИОСИФ. Я знаешь, что сейчас вспомнил? Ту старуху, что за соседним столом сидит. Она глаз с тебя не сводит. Понравился ты ей, определенно понравился. Не понимаю, почему ты не хочешь с ней поговорить. Я бы на твоём месте...

ХАНС. Не дай тебе Бог оказаться на моем месте! Стой на своем и радуйся жизни! А старуха эта не в моем вкусе. Слишком старая.

ИОСИФ. Я думаю, она лет на пять моложе нас с тобой.

ХАНС. Вот я и говорю – старая. Никогда не любил старух. Вечно лезут не в свое дело, все им надо знать, всех обсудить. Как-нибудь один доживу, уж немного осталось. А за тебя могу похлопотать, если хочешь. За завтраком ей скажу: "Видишь, бабка, этого парня, он, в отличие от меня, тебя любит, обещал на тебе жениться. Пойдешь за него?"

ИОСИФ. Она скажет – нет.

ХАНС. Почему, она прыгнет тебе на шею и будет висеть до самого обручения.

ИОСИФ. Она скажет: "Твой приятель всем хорош, если б только не одно обстоятельство".

ХАНС. Что?

ИОСИФ. Еврей.

ХАНС. Еврей? А она кто, француженка, что ли?

ИОСИФ. Еврейка.

ХАНС. Ну?

ИОСИФ. Именно поэтому. Зачем ей очередное несчастье?

ХАНС. Плохо ты знаешь современную молодежь, чихать она хотела – счастье-несчастье – дела нет, лишь бы рядом был, заботился, разговаривал. Больше-то ни черта мы с тобой не можем.

ИОСИФ. Это ты не можешь, а я запросто.

ХАНС. Я тоже, если подумать. Но думается в последнее время с трудом.

ИОСИФ. Точно сказал – с трудом думается!

Смеются.

ИОСИФ. Мне знаешь, кто нравится? Девчонка новенькая, сестра с третьего этажа, полячка она, что ли, не знаю. Лицо у нее доброе, приятное...

ХАНС. Погоди, поработает лет пять, станет неприятным.

ИОСИФ. А-а, что ты понимаешь. Девчонки с такими лицами не портятся. Такая она маленькая, хрупкая, а творит чудеса. Моет, укладывает, успокаивает – все одна. То, что раньше двое с трудом делали...

ХАНС. Э-э, да ты, поди, мечтаешь, чтоб за тобой молоденькие ухаживали? Гладили б твоё сморщенное тело, разговаривали, целовали б тебя...

ИОСИФ. Болтаешь!..

ХАНС. Нет? Плохо. А все почему? Потому что ты не мужчина уже, так, название одно, а, по сути – неизвестно что, пустое место. А я вот мечтаю, сплю и вижу! Потому как доставляет мне радость видеть их молодые, крепкие тела, ножки... Даже не понимаю, как ты эту девчонку заметил... Слушай, а может, посватаешься? Давай, Ось, чего нам бояться? Наденем костюмчики – и к ней.

ИОСИФ. А ты зачем?

ХАНС. Пусть лучшего выбирает. Чем я не жених? Тебе можно, а мне, что ж, нельзя?

ИОСИФ. Тебе же хуже. Она, как тебя увидит, сразу в обморок грохнется. Сиди лучше в комнате, тебе и ей спокойней будет.

ХАНС. Ты, видать, давно в зеркало не смотрелся. И правильно, не надо, не омрачай свою жизнь.

ИОСИФ. Да?

ХАНС. Точно.

Смеются.

ХАНС. Эх, настроение хорошее, жаль, у нас вина нет или чего-нибудь покрепче. Я бы сейчас с удовольствием.

ИОСИФ. Я бы немножко коньячку...

ХАНС. Ишь, коньячку ему подавай, и вином доволен будешь. Я любил выпить в молодости, да и не в молодости тоже. С удовольствием выпивал.

ИОСИФ. Я тоже...

ХАНС. Ты?! Не говори ничего, все равно не поверю.

ИОСИФ. У нас на обед всегда вино было.

ХАНС. Три грамма на брата. Только душу травить.

ИОСИФ. Пьют ведь не для того, чтобы напиться до бессознательного состояния...

ХАНС. Не знаю, я пил именно для этого, забыться хотел. Но сейчас у нас с тобой другая задача, да? Все вспомнить, все до каждой мелочи! Где нам мелочи

упомнить, главное б не забыть. Что я вспомнил, что вспомнил-то!.. *(коверкая слова, поет латиноамериканскую песню)*

ИОСИФ. Не так. И слова путаешь и мелодию... *(поет)*.

ХАНС. А я что пою? Тебе просто мой голос не нравится...

Поют вместе.

ХАНС. А откуда я ее знаю? Сказать, сказать?!

Иосиф продолжает тихонечко напевать.

ХАНС. Тридцать девятый год! Октябрь! Двадцать четвертое октября! Двадцать четвертое октября! Отец нигде не работает, не может работать. Мы сидим уже не в своей старой, небольшой, но красивой квартире в центре города, а в чужой, сырой, крошечной, в ужасном районе. Отец все время оглядывается, будто ждет чего-то или кто-то зовет его. Каждую секунду оглядывается. А по ночам – сам с собой разговаривает, тихо-тихо, так, что я не могу разобрать ни слова, хоть и спим мы в одной комнате. Разговаривает и плачет, плачет, плачет!.. Знаешь, что такое непросыхающие слезы отца?! Не знаешь! Откуда тебе такое знать! Да, дорогой мой, веселые были ночи! Мне кажется, он совсем не спал, может быть, дремал немного... Не мог уснуть мой отец, невозможно было уснуть, потому что я лежал рядом, понимаешь, сын его лежал под боком и постоянно находился в опасности! Он охранял мой сон, мое спокойствие, мою жизнь! Ему так казалось, что он охранял... Но я знаю точно, если бы в тот момент в дом ворвались нацисты, отец бы не стал думать, он схватил бы кухонный нож и всех этих негодяев!..

ИОСИФ. Ох!.. Отец, папа!..

ХАНС. Все продано, остались лишь самые ценные для семьи вещи. Папа сидит целыми днями за столом, никуда не выходит, не произносит ни слова, какая-то родственница крутится вокруг него, пытаюсь вывести его из этого состояния. А он лишь качается, качается, бубня непрерывно молитву. К кому он мог обратиться?! Только к Богу, только к Богу! Как там? Барух ата адонай элохейну... Я так думаю, что папа тихо сходил с ума, настолько ясно представлялась ему картина будущего. Его мозг не мог переварить всего происходящего - это было светопреставление для него, и он не знал, не понимал, что делать. Он лишь молился, молился, молился. До двадцать четвертого октября. Двадцать четвертого октября он велел мне продать столовое серебро. Зачем? Спрашивай, зачем ему это понадобилось? Не молчи, Ханс, не молчи. Спрашивай, тебе говорят!

ИОСИФ. Зачем?

ХАНС. Чтобы его еврейский ребенок смог выехать из Германии. Только ребенок, на себя денег нет! Сил нет, совсем нет сил! И желания ни капли! Не хочет он уезжать! Ну! Спрашивай, черт бы тебя!..

ИОСИФ. Я не могу!..

ХАНС. Отцу в тот момент было около пятидесяти, а выглядел он на семьдесят. Понял? Он умереть хотел. Здесь умереть, в Германии! Отправить меня и умереть. Я ему мешал, меня надо было сбавить, как угодно, но вышвырнуть из этого ада! И он это сделал, сделал, сделал!..

ИОСИФ. Сердце колет!..

ХАНС. Мне тоже не сладко, терпи, мы должны договорить, должны!

ИОСИФ. Да, ты прав...

ХАНС. Где твое лекарство? Это? На, пей...

ИОСИФ. Ничего-ничего, сейчас пройдет, все пройдет... И мы должны, ты прав, иначе невозможно жить, висит на мне все это!..

ХАНС. Так висит, что хоть кричи караул!

ИОСИФ. Да, не могу с этим жить!..

ХАНС. Эх, Иосиф, что нам с тобой осталось – пару раз вздохнуть, пару выдохнуть, помолиться и!.. Ты завещание написал?

ИОСИФ. Да, и порвал его.

ХАНС. Зачем?

ИОСИФ. Жена умерла.

ХАНС. Ты ей завещал?

ИОСИФ. Больше мне некому.

ХАНС. Все муки, страдания, переживания, грехи твои, Иосиф, грехи, все хотел повесить на несчастную, слабую женщину. Нехорошо это, приятель. Слушай, раз ты его порвал, значит, не секрет, что ты там накалякал? Расскажи, я тоже хочу что-нибудь завещать. Что там было?

ИОСИФ. Мало интересного. Глупость какую-то написал: все мое имущество завещаю такой-то. Все. И переписал это имущество.

ХАНС. Ага, старые кальсоны, сношенные туфли, протертые штаны. Такое завещание мне не годится. Я хочу что-нибудь людям завещать. Польке этой молоденькой, бухгалтерше, старухе, которая в тебе души не чает. Прохожему хочу что-нибудь оставить. И не надо, чтобы он знал – кто да что, получил и ладно.

ИОСИФ. Не понимаю, что ж ты им оставить хочешь?

ХАНС. Себя. Чуть-чуть хорошего, что есть во мне. Не весь же я пропитан дерьмом, черт возьми, есть, быть может, хоть капля, хоть капля!.. Вот и хочу им эту каплю отдать, мне она погоды не сделает. Как считаешь, неплохое завещаньице? Хорошее, сам знаю. Осталось немного – найти это хорошее. Непростая задача, точно? А может, элементарная, потому как попробуй найти, чего нет, ха. Ну ладно, плывем дальше. На чем я остановился? На корабле. Отец собрал последние гроши и отдал их мне. Он приказал: плыви, беги из этой ужасной страны, ничего хорошего здесь не будет! А я ответил: без тебя, отец, без тебя, папа, я никуда, понимаешь ты, никуда не поеду!

ИОСИФ. Ханс!

ХАНС. "Поедешь, потому что я приказываю тебе!" "Ты мой отец, я твой сын! Разъединит нас только смерть!" Он обманул меня. Сказал, что придет на корабль...

ИОСИФ. Нет!

ХАНС. И не пришел. Он нарочно так сделал...

ИОСИФ. Вранье, все вранье! Не могу это слышать! Не так все было, не так!

ХАНС. Ты совсем обеспамятел. Ты же мне сам рассказывал, у меня еще котелок варит, будь здоров...

ИОСИФ. Мы должны, я должен!.. Ах, Господи, помоги ты мне, помоги!.. Я должен, должен!..

ХАНС. И, отплывая, мне показалось, я увидел его сутулую спину, низко опущенную голову, горящие слезами глаза.

ИОСИФ. "Вот, сынок, это все, что у меня есть. Возьми эти деньги и беги, умоляю тебя, беги!" Да, я спросил его: "А как же ты, папа?" "Я приеду следом, продам оставшиеся вещи и приеду". Я хотел, я бы все на свете отдал, чтобы мы сбежали вместе! Но в тот момент, в тот момент!..

ХАНС. Денег было только на один билет.

ИОСИФ. Конечно, только на один, только на один! Сейчас, сейчас!.. Я покажу тебе!.. Вот, вот!.. Что это, ну, что, что?!

ХАНС. Кольцо.

ИОСИФ. Это кольцо моей мамы! Мне его дал отец, чтобы я не сдох в Аргентине с голоду! Смотри сюда! Это бриллиант, Ханс, самый настоящий бриллиант! А что это значит?! Второй билет! Понимаешь, черт бы меня драл, это билет отца! Билет в жизнь! Да, когда корабль отчаливал, я увидел отца, и полные слез радости глаза его! Он был счастлив, что мне, сыночку его любимому, удалось улизнуть! Знаешь, что такое

увидеть радость в глазах приговоренного на пытки, на мучительную смерть?! Мне увидеть, в сущности удостоенному той же участи, но сбежавшему за его счет?! Я помню все до мелочей! И счастливое лицо его!.. И собственную руку, крепко, до крови сжимавшую мамино кольцо, вот это кольцо! Да, не понимал я, ничего не понимал, дураком был, как же! Отчего ж тогда я не продал это кольцо, не поменял его на еду, когда было совсем тяжело, невыносимо?! Отчего?! Потому что совесть, совесть грызла меня, пожирала! Потому что все я прекрасно понимал, мне не три года было! Вот она, моя вина перед тобой, папа, вот то, что пронес я через всю жизнь, ни на секунду не забывая о грехе своем, грехе, недостойном прощения! И глаза его, счастливые глаза до смерти будут глядеть на меня! Отец, отец!..

ХАНС. Ты никогда не рассказывал этого.

ИОСИФ. Отец!..

ХАНС. Этого кольца не хватило бы и на полбилета.

ИОСИФ. Не смей!

ХАНС. Не хватило бы...

Небольшая пауза.

ХАНС. Мы с тобой братья.

ИОСИФ. Нет, я – еврей, ты – немец.

ХАНС. Да, и мы с тобой братья.

ИОСИФ. Нет, Ханс, нет!

ХАНС. Ты – Ханс, я – Иосиф!

ИОСИФ. Я – Иосиф, я! И никуда от этого не денешься! От себя не убежишь!

ХАНС. Но мы ведь никуда и не бежим, верно? Отбегались, хватит, некуда нам... Дай мне рассказать, что я делал в Аргентине.

ИОСИФ. Ничего я там не делал.

ХАНС. А кто же, по-твоему, голодал, полы мыл, посуду, кто все это делал, Ханс? Десять лет рабского труда, десять лет унижений. И не мог я вырваться из этого омута, не мог! Если бы не Лора, не знаю, что бы со мной теперь было!.. Она вытащила меня из грязи, научила жить сегодняшним днем, часом, минутой! стала женой...

ИОСИФ. Да. Но прежде чем появилась Лора, пришло известие из Германии!..

ХАНС. Я знаю, знаю! Не мешай мне говорить! Не перебивай, пожалуйста! В сорок третьем я узнал, что все мои родственники, знакомые в лагере, в Аушвитце, все до единого! Женщины, маленькие дети, все! И отец, мой отец, он тоже там!.. Что ты думаешь, с ними стало? Все уничтожены, до единого, Ханс! Ни один человек не вышел

из того ада! Все они стерты с лица земли! И даже пепла от них не осталось. Что ж ты замолчал, мой дорогой, теперь ты можешь рассказать, как все это было, как вы сжигали, вешали, расстреливали, душили, травили, заживо закапывали! Я тогда волосы на себе рвал, выл, стонал, я хотел рассчитаться с жизнью, с моей жизнью! Повеситься хотел! Отец! Вы его, как и миллионы других, уничтожили! Еврей, жидовская морда! За что, Ханс, за что?!

ИОСИФ. Я не душил, не стрелял, я не убил ни одного человека, Иосиф. Мне повезло, удалось избежать солдатской жизни. Я никогда не был лагерным охранником, никогда! В тридцать девятом я поступил на завод и стал учеником токаря. Выучился, и с начала войны работал на военном заводе. Стране были нужны мои руки, а не умение убивать.

ХАНС. Тебе медаль надо дать за геройство. Ты, видимо, прятал евреев, спасал цыган, гомосексуалистов. Угадал? А я одному в тот момент радовался – моя мать умерла, моя сестра умерла! Мама, мама! Как я завидовал тебе, если б ты только знала! Счастливая, не дожидая до этого дня!

ИОСИФ. Не дожидая, не узнала, что сын, которого она так любила, подлец! Ах, господи, за что мне это?!

ХАНС. Я говорю, черт бы тебя!.. Лезешь все время! За тебя отдувались твои родственники, знакомые, друзья, когда убивали, убивали, убивали!

ИОСИФ. Я не убивал.

ХАНС. Ты не убивал, конечно, ты только кричал: "Хайль Гитлер, хайль Гитлер!"

ИОСИФ. Кричал, потому что был слеп, глуп.

ХАНС. Восемнадцать лет тебе было!

ИОСИФ. Я не понимал, что происходит вокруг, видел, но не понимал. Мне говорили, что все зло исходит от евреев, я верил. Я никогда не сомневался, Иосиф, никогда ни в чем не сомневался, свято верил во всякую чушь!

ХАНС. Это очень интересно. Ты, видимо, действительно дураком был. Вся страна – сплошные дураки. Неплохо вам жилось, ребятки. И теперь хорошо – мы не виноваты, слепыми были, глухими, недоразвитыми. И весь сказ. Здорово придумано. Вчера – палач, сегодня – святой. Дураков ведь не судят. И ничего тебя, такого замечательного ни в чем неповинного за сердечко не тянуло, кошмары не снились, не бредил наяву. Везет дуракам. А ну, посмотри... Маску, маску возьми!.. Нет, не похож ты на дурака, ей-богу, не похож. С какого бока на тебя не взгляну, все умным

кажешься, не глупее многих, это уж точно. Да, молодец ты, Ханс. Живешь себе вволю, о прошлом не вспоминаешь, не беспокоишь собственную голову, правильно. Человек должен жить настоящим, будущим. Да, да? А тот, кто живет прошлым, потихоньку сходит с ума. А ты паренек крепкий и в полном здравии. Живи настоящим, живи! Только я здесь зачем, знаешь?! Знаешь?! Правильно, не дам тебе ничего забыть, ничего!

ИОСИФ. Нет, я из-за себя вернулся, из-за себя. Жена моя не хотела, а я сказал – еду, и, если ты не хочешь, оставайся здесь, мне все равно, я должен быть там, где погиб мой отец. В пятьдесят шестом мы вернулись в Германию. И я поехал искать свой дом.

ХАНС. Дом в центре Франкфурта до сих пор стоит, все такой же, нисколько не изменился. Я вошел в подъезд, поднялся на второй этаж, позвонил... В квартире жили какие-то люди, которые и понятия обо мне не имели. Мне нужно было посмотреть на стены, только посмотреть... Слезы невольно лились из моих глаз, руки дрожали, говорить не мог... С трудом извинился и вылетел на улицу. Отец, отец!.. Целый месяц я пытался хоть что-нибудь узнать о последних днях моего отца, пытался найти хоть какой-нибудь след его жизни, любую деталь... Не было следа, не было деталей!!! Ты понимаешь, что это значит?! Ничего не осталось, ничего! Какая-то женщина мне сказала, что видела тогда пожилого мужчину. Солдаты вывели его из подъезда, толкнули, он упал лицом вниз, протез выскочил из его рта, он с трудом приподнялся, потянулся за ним... Треск. Сапог раздавил протез! «Он тебе больше не понадобится, жидок!» - и хохот, хохот подоспевших зрителей.

ИОСИФ. Нет-нет, это не отец, нет!.. У него не было протеза...

ХАНС. Ты мог об этом не знать, Иосиф! Родители редко делятся такими вещами...

ИОСИФ. Я знал...

ХАНС. Сердце мое разрывалось! Я не мог ни о чем думать, лишь об отце, о папе!..

ИОСИФ. Я объездил все концлагеря Германии, Польши, я должен был увидеть своими глазами, на себе почувствовать!..

ХАНС. То, что я увидел, превзошло мои ожидания. Вы построили хорошую машину смерти, Ханс. Ничего страшнее я не видел, дорогой мой сосед. Все четко, аккуратно, по-немецки. Аушвитц. В этом лагере погиб отец, все родственники. Мой

мозг не выдержал! Я обхватил голову руками, заслонив уши, и побежал прочь!.. Кто-то вызвал скорую, меня увезли в больницу, в которой я провалялся больше месяца...

ИОСИФ. У меня был нервный срыв.

ХАНС. Но ты ни в чем не виноват, Ханс! Ты хороший парень, ты никого не убивал, ты работал, трудился на благо партии. Хайль Гитлер, хайль Гитлер! Или тебе не нравился Гитлер?

ИОСИФ. Нравился.

ХАНС. Ты обожал его, парень! Вспоминай, вспоминай!

ИОСИФ. Да, однажды я даже поехал в Берлин, чтобы увидеть его своими глазами. Это перед самой войной было.

ХАНС. Патриот ты наш. Увидел?

ИОСИФ. Нет, была такая толпа, что я не мог протиснуться вперед. Все лезли по головам, толкались... В тот день мне разбили нос.

ХАНС. Всего-то?

ИОСИФ. Мне было больно, и кровь хлестала, но я все лез и лез, я должен был его увидеть. Мне так хотелось на него посмотреть.

ХАНС. Хайль Гитлер, хайль Гитлер!

ИОСИФ. Да-да, именно так и было.

ХАНС. Хайль Гитлер, хайль Гитлер... Я прожил в Аргентине почти двадцать лет, двадцать лет вдали от родной, любимой, когда-то любимой Германии.

ИОСИФ. Я и теперь ее люблю. Земля не виновата, что ее затоптали сапогами, залили кровью, она от этого страдает, мучается. Земля не может сделать ничего дурного, человек – может.

ХАНС. Иосиф, посмотри, какое красивое, чистое небо.

ИОСИФ. Светает.

ХАНС. Сейчас бы погулять. Плохо быть несвободным. Никогда не замечал природу, не обращал внимания на времена года, на краски, звуки, которые окружают нас. Теперь вот, к старости, наконец, начал что-то понимать в этом деле. Это музыка, которую хочется слушать и слушать. Ты любишь музыку, Иосиф?

ИОСИФ. Когда-то я умел играть на фортепьяно.

ХАНС. Вот это номер! Как же я забыл!

ИОСИФ. У тебя в тумбочке лежит пианино?

ХАНС. У одной знакомой старушечки лежит. Напротив нашего дома стоит маленькая личная хибара, никогда не замечал? Так вот в этой хибаре живет старуха на

пару лет моложе нас с тобой. Одинокая бабка, без наследников, мужей, любовников. Не то, что мы, в богадельню не спешит. Как-то, гуляя, я с ней познакомился. Туда-сюда, чаек попили...

ИОСИФ. Да?

ХАНС. Только чай, Иосиф.

ИОСИФ. Так я тебе и поверил.

ХАНС. Ну, ухаживал за бабкой, кадрил престарелую, ничего не поделаешь, такой я развратник. Молодых ведь нет, приходится брать залежалый товар.

ИОСИФ. Что ж не познакомил?

ХАНС. Да, погоди ты! У бабки этой пианино есть, сам видел. Она говорит – от мужа осталось. Врет, наверно. Неважно. Я что говорю, давай завтра после обеда навестим невесту. Что тебе стоит? Я буду языком чесать, зубы ей заговаривать, а ты поиграешь немножко. Так мне хочется музыку послушать. А, пойдем? Да и дорожки здесь все исхожены, гулять по ним надоело, а в город не тянет. Да что я тебя уговариваю! Такая девушка через дорогу живет, а ты ни в какую. Увидишь – обалдеешь, ни одна наша в сравнение не идет. Пойдем.

ИОСИФ. На полчаса можно, конечно...

ХАНС. О чем ты говоришь, на пять минут. Чуть-чуть побренчишь – и бегом в келью.

ИОСИФ. Не обидится красотка, если мы так скоро ее покинем?

ХАНС. Нет, ты же с ней останешься. Мне только музыку послушать хочется, остальное доверяю тебе.

ИОСИФ. Смотри, потом жалеть будешь.

ХАНС. Да? Тогда останусь я, а ты – в келью. Ну ладно, чтоб не ссориться, вместе уйдем. Я, думаю, она будет рада. Зачем ей еле дышащий старик.

ИОСИФ. Если б один, она бы смирилась.

ХАНС. В том-то и дело, что один...

ИОСИФ

(одновременно). Ты.

ХАНС

ХАНС. Мы.

ИОСИФ. Мы.

Смеются.

ХАНС. Значит, завтра идем. Не забудь, обещал.

ИОСИФ. Никудышный теперь из меня музыкант, забыл все. Последний раз я играл в Аргентине в каком-то кафе, где платили едой. Там и познакомился с Лорой. Она мне что-то заказала... погоди... "Хава нагила", да-да. В этой вещице я разок ошибся. Мелкая ошибка, незаметная совсем, а она усекла... Так и познакомились.

ХАНС. Да-да, я помню. Взяла тебя благородная женщина в свой магазинчик музыкальных инструментов продавцом, настройщиком, экспертом, а потом и мужем.

ИОСИФ. Хорошая была женщина. А ты почему так и не женился, Ханс?

ХАНС. Не смог ни на одной остановиться. Каждая была по-своему хороша. Попробуй выбери, когда все нравятся. Я им всегда говорил: "Ты мне нравишься. И ты. И она тоже". Ничего не поделаешь, такой уж гнусный характер, все нравятся.

ИОСИФ. Любил хоть одну?

ХАНС. "Одну"? Сначала одну, потом другую. Всех любил. Болтаешь, бог знает что.

ИОСИФ. Я вот тоже...

ХАНС. Что?

ИОСИФ. Не знаю... как-то не так у нас все время было. Нет, мы почти не ругались, не ссорились, жили дружно, людей не сторонились, все было хорошо, стабильно... Слишком уж гладко, вот что. Не хватало нам, или только мне, чего-то важного, возможно, самого главного...

ХАНС. Того, что было с Бригиттой, с Элен.

ИОСИФ. Да.

ХАНС. Любви не хватало, Иосиф.

ИОСИФ. Любви.

ХАНС. То-то и оно.

ИОСИФ. Может, мы действительно братья? А, Ханс? Я – еврей, ты – немец, ну так что? С кем не бывает? Это еще не повод, чтоб ты не стал мне братом. Нет, правда, было бы здорово, как считаешь?

ХАНС. Никак не считаю.

ИОСИФ. Может, тряхнем стариной, побратаемся?

ХАНС. Без выпивки не получится.

ИОСИФ. А сок? у нас ведь сок есть.

ХАНС. Сказал, не получится. Не понял? Не получится. Я не хочу, я! Да и ты тоже, врешь только. И хватит этих идиотских предложений. Оставь их для той старухи.

"Брат", кому рассказать, сдохнут от смеха. Что рот раскрыл? Говори, если есть что сказать.

ИОСИФ. Ханс, я не хотел тебя обидеть... Ханс...

ХАНС. Ты – Ханс! Ты!

ИОСИФ. Да-да, я, но...

ХАНС. Молодец. Тридцать девятый год.

ИОСИФ. Тридцать девятый... Я разве не упоминал это время?

ХАНС. Не знаю, не помню, давай еще раз!

ИОСИФ. Ты стал учеником...

ХАНС. Да провались ты! Ты стал!

ИОСИФ. Я стал учеником токаря на заводе. Работал, получал гроши, но не жаловался, мне хватало этих денег на жизнь, на небольшие развлечения, даже на выпивку оставалось... Крошечный городок, в котором я жил, был настолько тосклив и однообразен, что можно было сойти с ума. Молодым был, кровь играла, а тут такая скука. Вот и ездил по выходным в город. Брауншвайг – не столица, конечно, но все же. Там и люди другие были, жизнь кипела.

ХАНС. Кипела.

ИОСИФ. Как я завидовал тогда ребятам, которые учились. Всегда вместе, всегда веселые, довольные, счастливые. Не было у меня этого, никогда не было.

ХАНС. Такой одинокий, всеми заброшенный, аж плакать хочется. Так-то из школы убегать. Не послушал мамочку, пеняй на себя.

ИОСИФ. Мама, только мама, она единственная, кто был рядом со мной, ее присутствие я всегда чувствовал.

ХАНС. Мамаша, значит, корячилась из последних сил, а ты чувствовал. Замечательный сынок.

ИОСИФ. Я помогал ей, все время помогал!

ХАНС. Конечно.

ИОСИФ. Как только встал на ноги, начал немного зарабатывать...

ХАНС. Ну-ну?

ИОСИФ. Я посылал ей деньги.

ХАНС. Правда? Много, поди?

ИОСИФ. Сколько мог, сколько мог! Война была, Иосиф!..

ХАНС. Ты о ней вспомнил после войны, когда ей было около шестидесяти.

ИОСИФ. Нет! Я всегда о ней помнил! И раньше, и в тридцать седьмом, и в тридцать восьмом!..

ХАНС. Пару раз посылал грошики, не спорю.

ИОСИФ. Нет, все время, все время!

ХАНС. Брось врать, Ханс. Я лучше знаю.

ИОСИФ. Все, что мог, отдавал!..

ХАНС. Хватит! Мне это не интересно! Дальше давай!

ИОСИФ. Дальше? Потом началась война.

ХАНС. А до войны больше ничего не помнишь?

ИОСИФ. Ты мне не рассказывал.

ХАНС. Опять забыл?! Дырявая голова! Ничего не держишь в своей памяти! Ну, так я тебе напому! Однажды, когда ты был в Брауншвайге... ну?!

ИОСИФ. Я не знаю.

ХАНС. Ох, господи, боже мой! Ты гулял, развлекался, пиво потягивал, курил... потом собрался домой... Было около восьми. Ну?

ИОСИФ. Нет, ты не говорил.

ХАНС. Ох!.. Ты шел и, как всегда, ни о чем не думал, твоя башка не умела думать! И вдруг ты услышал крики, топот, смех... Кто-то за кем-то гнался. Не прошло и полминуты, как ты увидел девушку. За ней бежали человек шесть или семь молодых парней. Не помнишь?! Я расскажу, расскажу!.. Пробегая мимо тебя, она споткнулась, нарочно, вспоминай, черт бы тебя! Нарочно споткнулась, чтобы припасть к тебе, чтобы взглянуть в твои глаза... Ну? Что за девушка?! Еврейка! И что она тебе шепнула?! Помоги мне, Господи!!! Она прошептала: "Я не еврейка, не еврейка, скажите им, умоляю!" И сжала твою ладонь. Все это было так быстро, что ты даже не понял, как перед тобой оказалась орава преследователей. Ну, ну?! "Куда побежала жидовка?!" – спросил один из них. Что ты сказал, что?! "Туда, туда!" – и указал подъезд, в который вбежала девушка. Да, да! И они последовали за ней! А ты... ты спокойно продолжал свой путь! Только рука горела!

ИОСИФ. Нет! не может быть!..

ХАНС. Рука горела, что-то жгло ее, раздирало!.. Ты раскрыл ладонь и что увидел?! Что ты увидел?! Смотри сюда, смотри! (*Раскрывает ладонь, показывает Иосифу*). Звезда Давида, звезда Давида! С того самого дня эта звездочка всегда с тобой! Вспомнил?! Ах ты, сволочь!.. Не верю я в твоё раскаяние, не верю! Вся эта гадость, ложь, злоба, трусость никуда от тебя не делись. И, если только представится случай, ты

снова, точно так же, как тогда, продашь еврея, со спокойной душой отправишь его на смерть!.. Как же я тебя ненавижу, Ханс, если б ты только знал! Ненавижу!..

Ханс замахивается на Иосифа... Замирает. Весь трясется, говорит с трудом.

ХАНС. Иосиф, Иосиф, Иосиф!.. Меня нельзя простить, я знаю!.. Иосиф!..

ИОСИФ. Ты – Ханс, я – Иосиф.

ХАНС. Я – Ханс, я! Господи, боже мой, Иосиф!..

ИОСИФ. Я завещаю, чтобы меня кремировали. Не хочу быть похороненным.

ХАНС. Иосиф!..

ИОСИФ. Да-да, это и будет моим завещанием.

ХАНС. Иосиф!..

ИОСИФ. Я хочу, чтобы мой пепел развеяли по Земле.

ХАНС. Иосиф!

ИОСИФ. Да, по Земле.

ХАНС. По Земле...

ИОСИФ. И твой тоже.

ХАНС. И мой...

ИОСИФ. И пепел наш развеют по Земле.

ХАНС. И пепел наш развеют по Земле... Иосиф!

ИОСИФ. Ханс!

ХАНС. Я вспомнил, Иосиф!..

ИОСИФ. Я тоже, Ханс!..

ХАНС. Ту сказку, которую когда-то мне рассказывал отец.

ИОСИФ. Да-да, я об этом и говорю.

ХАНС. Это была сказка о птице.

ИОСИФ. О птице, нарочно отбившейся от стаи.

ХАНС. Она не хотела лететь вместе со всеми, одинаково, в такт взмахивать крыльями, быть такой же, как остальные.

ИОСИФ. И, когда пришла пора улетать на юг, она полетела в другую сторону. Взяла и отбилась от стаи. Ей было трудно сделать это, но она смогла, смогла!

ХАНС. Все возмутились, кричали проклятья, угрожали, но ей было все равно, она развернулась и полетела на север. Потому что не желала жить, как все. Не хотела шагать в ногу.

ИОСИФ. А ей кричали вслед: "Ты погибнешь, не сможешь без нас, замерзнешь, опомнись, глупая, вернись и мы простим тебя!" Но она ничего не слышала, не могла слышать.

ХАНС. Они смеялись над ней, обзывали ее дурой, сумасшедшей. А она летела, летела, летела...

ИОСИФ. И впервые в жизни...

ХАНС. Да-да, впервые в жизни она почувствовала, поняла, что такое быть собой. Быть свободной.

ИОСИФ. Она была счастлива.

ХАНС. Понимала, что очень скоро погибнет, и все равно была счастлива.

ИОСИФ. И жалела лишь об одном, что всю свою долгую жизнь...

ХАНС. ...всю свою долгую жизнь она не могла, боялась сделать этот шаг.

ИОСИФ. И лишь под конец жизни, когда до смерти осталось не больше трех перелетов, она решилась на это.

ХАНС. У этой сказки грустный конец, Иосиф.

ИОСИФ. Нет, совсем наоборот, Ханс, более прекрасного финала придумать нельзя. Расправь крылья, Ханс!

ХАНС. Ты прав, прав. Мы ведь с тобой тоже решились, да, Иосиф?

ИОСИФ. Мы уже летим, летим!

ХАНС. Наконец мы летим к себе!

ИОСИФ. К себе!

ХАНС. К себе!

Было раннее утро. Солнце пробивалось сквозь окно...

© Илья Члаки

Любое использование текста пьесы без разрешения автора или его представителя категорически запрещено.

Все права защищены.